ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ 3 МАРТА 1997

ИТОГИ

ВМЕСТЕ С Newsweek®

Не подводи ИТОГИ!!

(Вместе с «Newsweek»)

Кто отправил в отставку синьора Аньелли

Хваленой туринской автомобильной фабрике (аналог Тольятти, только лучше. — **«Итоги»**), скрепя сердце и скрипя покрышками, пришлось отозвать все 333 333 автомобиля «Фиат Брава», проданные в злосчастном 1996 году, — для внесения конструктивных изменений в системы безопасности. Разумеется, за счет фирмы.

Казалось бы, «Фиат» предусмотрел все: ABS для равномерного торможения, подушки безопасности, выскакивающие в момент аварии из всех мыслимых и немыслимых укромных мест, включая рулевую баранку, автоматически разблокируемые двери, взлетающее вверх лобовое стекло и пр. Все эти технические новшества позволили синьору Аньелли бравировать «Бравой»: самый, мол, безопасный автомобиль 1995 года.

А в августе прошлого года все пошло прахом, да так, что синьору Аньелли пришлось со скандалом покинуть пост президента «Фиата» на собственном вертолете. На извилистой горной дороге *рассекал* разреженный горный воздух красавец «Фиат», новенький, голубенький. За рулем «Бравы» сидел известный российский автоас (не путать с АвтоВАЗом) Сергей Пархоменко, испытавший за свою жизнь кучу марок (не путать с почтовыми), сменивший на своем веку множество разнообразных лимузинов из разных стран, исколесивший дороги пол-Европы, включая Щелково, где вообще нет дорог. Ему завидовали знаменитые гонщики и каскадеры — от Александра Иншакова до Александра Микулина, которым ни разу не удалось так блистательно припарковываться на сложнейшей стоянке у «Моста», как это делал Сергей. И вот когда Пархоменко поднялся на вершину горы, он закурил свой любимый Gauloise (дело происходило во Франции). А когда стал спускаться с холма, попытался погасить ядовитую сигарету с тем, чтобы подвести некоторые *итоги* (курения, поездки или вообще жизни — кто его знает?)... Сергей очень любил природу и старался не доставлять ей неприятностей. Тут-то и обнаружился самый серьезный недостаток итальянского авто. Сергей не мог выбросить сигарету за окно, как это сделал бы любой соотечественник машины, — он помнил, как два десятилетия назад здесь погиб знаменитый советский вертолетчик Гарнаев, гасивший лесные пожары, начинавшиеся вот с таких невинных окурков. И он стал искать ПЕПЕЛЬНИЦУ!

А хваленые фиатовские дизайнеры поместили ее черт-те куда (какому итальянцу придет в голову тушить сигарету в пепельнице!) — между настройкой громкости радиоприемника (только на 20 см ниже) и краном отопителя (на 47 см правее и вниз, в глубину). И совершенно естественно, что, когда Сергей сложился, как Майкл Джонсон на старте 200-метровки, и разглядел наконец девственно чистую крышечку, задраенную наглухо, как люк космического корабля, когда он наконец отодрал (в смысле, оторвал) пепельницу от паза и, торжествуя, загасил (уже погасшую к тому времени) сигарету, «Брава» уже летела по обочине — в разреженном горном воздухе, а по кабине плавно парили сумка, редакционный «дурачок» и жена Катя... (Сергей был пристегнут.)

«Фиат» поставил 333 333 пепельницы на присосках. И на новые «Бравы» тоже.

Сейчас Сергей Пархоменко испытывает сразу две машины — «Сааб» и «Гольф». Шведские и немецкие конструкторы с содроганием ждут вестей из Москвы. ■

Новый Гаргантюа

Солидная британская газета «Файнэншл сан» опубликовала на днях подробное исследование причин, приведших к массовому бешенству коров. Как оказалось, главный виновник происшедшего — русский журналист Сергей Пархоменко, оказавшийся проездом в Париже и пожелавший там отобедать.

Очевидцы позже рассказали корреспондентам газеты, что наш соотечественник заказал мясо по-фламандски. Он не обратил внимания на удивленные лица официантов. Он совершенно спокойно отреагировал, когда ему вынесли тушу и предложили указать места, которые он есть не будет. Пархоменко трижды ткнул ножом и продолжил чтение газет.

Но больше всего официантов, впрочем, как и всех служащих ресторана, поразило то, с каким спокойствием русский посетитель принялся уничтожать принесенное ему четверкой дюжих молодцов. «Он не моргнув глазом смолотил то, что обычно заказывает семья из шести человек, не считая детей», — признался британским репортерам владелец ресторана.

Беда, однако, была в том, что за всем происходившим наблюдали не только официанты, но и коровы. И бывший среди них бык-производитель подвинулся рассудком настолько, что заразил размягчением мозгов собратьев, а что еще страшнее — потомство.

История с душком

Спецслужбы предприняли очередную попытку скомпрометировать известного политического обозревателя Сергея Пархоменко. Опытная провокаторша, известная под кличкой Госпожа Министерша, усыпив бдительность журналиста, плеснула на него дешевым парфюмом нервно-паралитического действия. Воспользовавшись последовавшим приступом удушья, агентка обмотала педали автомобиля г-на Пархоменко интимными частями женского туалета, а самому ему сделала инъекцию поцелуина — средства, разработанного в секретных лабораториях Парижа-16. В результате действия этого средства, запрещенного международными конвенциями, по всему телу инфицированного, как известно, высыпают следы яркой помады.

Изощренная, но в то же время примитивная провокация не смогла помрачить образ величайшего из отцов русской демократии в глазах общественности. Сам же г-н Пархоменко вот уже несколько дней призывает взглянуть на себя глазами общественности свою жену Катю. ■

ШЛАГБАУМ

Пархоменко ⬆

Жизнь — ***театр***, не будьте же строги
К ***независимой*** жизни Сереги.
Он почти что Христос,
Он ***сегодня*** подрос,
Но пускай не подводит ***итоги***.

Как Борисыч Борисычу «глаз выклевал»

В последнее время широкое распространение получил новый вид вымогательства на дорогах, так называемый авторэкет. На оживленных перекрестках преступники «подставляют» свои иномарки под удар, после чего требуют от «виновника» ДТП непомерную компенсацию. Но «трясти» простых «чайников» хлопотно, а потому основными жертвами вымогателей все чаще становятся люди известные. Во-первых, они сами не любят лишнего шума, а во-вторых, их не приходится откачивать после оглашения суммы компенсации.

Так, недавно в поле зрения преступников попал и Евгений Борисович — брат известной певицы Аллы Борисовны, чья фамилия не разглашается в интересах следствия. Встреча с автолюбителями обошлась Евгению, а точнее его именитой родственнице, так как Женя работает простым шофером в одной крупной музыкальной фирме, в две тысячи долларов. В такую сумму оценили преступники ремонт своего Saab-9000, когда после многодневной слежки и продолжительной погони им удалось-таки подставить зад скромному Жениному «жигуленку». Задержать вымогателей не удалось, но, как сообщил сотрудник пресс-центра столичного ГУВД Фолькс Саабов, личности их уже установлены. Все замешанные в этом деле принадлежат к так называемой пархоменковской группировке, которую возглавляет известный авторитет Пархом, он же Сергей Махно, он же Борис Шерман, он же Сергей Пархоменко. Оперативники считают: не лишена оснований и версия ряда шоубизнесменов, которые убеждены, что за простым ДТП кроется попытка сорвать гастрольное турне Филиппа

Слово и дело

«Пархоменко и женщины» — под таким названием в Москве завершил свою работу международный симпозиум. Выступавшие на нем рассказывали о широкой душе и теплых объятиях всеобщего любимца. А в кулуарах участницы делились личным опытом общения с Сергеем Борисовичем.

Представительница переделкинской инициативной группы «За честь Пархома» Марина поведала нашему корреспонденту о том, что, еще будучи безусым, но уже сильно носатым пионером, ее кумир пообещал после достижения совершеннолетия жениться на ней. Однако со временем обещание забылось. «Но Пархоменко — человек слова. И он взял к себе на работу моего мужа, которого, естественно, зовут Сергей», — гордо призналась Марина.

Награда ищет героя

В ближайшее время ожидается вручение премии «Дивана Пархоменко». Претендовать на нее могут особо выдающиеся журналисты, написавшие особо выдающиеся статьи о деятельности Конституционного суда. По словам пресс-секретаря КС Анны Малышевой, церемония вручения награды будет происходить отныне ежегодно.

Г-жа Малышева отказалась сообщить габариты награды, а на вопрос — откуда взялось столь странное название приза — отвечать отказалась, однако из достоверных источников в окружении председателя суда стало известно, что некоторое время назад г-н Пархоменко потребовал вознаградить его особые заслуги перед КС. Занудство журналиста было столь велико, что судьи, их помощники и пресс-служба в итоге скинулись по червонцу, чем, собственно, и было положено основание премиальному фонду.

А Сергей Пархоменко на вырученные честным журналистским рэкетом деньги купил себе

Всем мил не будешь

По-разному реагируют общественные и политические деятели страны на назначение бывшего пресс-секретаря президента Российской Федерации Сергея Пархоменко на должность 1-го вице-премьера правительства.

Геннадий Зюганов:

— Выдвижение Пархоменки в высшие эшелоны власти — очередной плевок президента в сторону народа и его прогрессивного крыла. С Пархоменкой мы не будем сотрудничать ни под каким видом. Ни под видом КПРФ. Ни под видом Аграрной партии России. Ни под видом блока «Народовластие». Долой Пархоменку!!!

Егор Гайдар:

— Зная Сергея Борисовича много лет по совместной работе, я с удовлетворением могу констатировать: его назначение — это последний шаг России на многолетнем тернистом пути преобразований. С приходом во власть г-на Пархоменко в нашей стране наступает эра абсолютного и всепоглощающего либерализма.

Однако многочисленные обозреватели отмечают, что в мотивации назначения Сергея Пархоменко на пост 1-го вице-премьера правительства России присутствует изрядная доля прагматизма. Выборы 2008 года не за горами. По всей видимости, уже сейчас президент России Анатолий Чубайс начал готовить себе преемника.

Уголок старика Синицкого

Мой первый слог — почти дымок.
Второй — грызун без задних ног.
А те бы ноги без него
Летали б в небе о-го-го!
А у Тарасенко — хохла —
Сбежала бульба от хвоста.
Кто разберет наш ералаш,
Поймет, что здесь редактор наш.

Пархомология

Опрос, проведенный ВЦИОМ среди городского и сельского населения Российской Федерации в марте 1997 года (выборка всеобъемлющей репрезентации: 62 000 человек), показал, что из имевших контакт с Пархоменко С. Б. (1964 г.р.) довольны остались (в процентах):

Городское население:
Женщины — 67%
Мужчины — 47%
Дети — 7
домашние животные — 0%
Насекомые — 0%
Дикие госуд. деятели — 1
Сельское население:
Женщины — 85%
Мужчины — 14%
Дети — 99%
Домашние животные — 10%
Насекомые — 10%
Госуд. деятели — 1%— 99%
Их дети — 99%

По информации «Итогов», REUTER, Интерфакс, ИТАР-ТАСС, AFP, DPA

Славный путь

Из романа Всеволода Иванова «Пархоменко»

ПРАОТЦЫ

Саша Пархоменко сызмальства видел страдание, отовсюду наступавшее на народ. Родное его село Макаров Яр заселили триста лет назад ссыльными, и как началась несправедливая и жестокая жизнь, так и продолжалась. Село находилось в ложбине. Вокруг, сажен на сто, поднимались холмы. В одном месте они раздвигались, и по легкому увалу можно было выйти в широкую и просторную степь. Но и в степи жизнь была и не широкая, и не просторная.

Степь и все усадьбы по эту сторону Донца принадлежат помещику Ильенко. По ту сторону реки расположился большой и веселый лес. Но лес этот принадлежит казакам, а они даже хворост не разрешают собирать «макаровцам». Жил в Макаровом Яру сказочник — бондарь Еремин. Дети любили его. Пошел бондарь в лес набрать лозы для ободьев, и казаки так его избили там, что он помер через пять дней. Погонишь в степь пасти волов, заберет помещик и наложит штраф. Оттого-то Яков Пархоменко, отец Саши, не любил заниматься хозяйством, а промышлял то горшколепством, то лошадьми. Помогая отцу откармливать кляч, Саша полюбил коней и сразу же, когда стал сам зарабатывать деньги, купил книгу «Уход за лошадью».

Но пока он дошел до этой книги, жить было тяжко. Когда подрос, работал погонщиком волов.

Спускаясь по увалу в лощину, он оглядывался на дорогу. Стлалась теплая пыль. Шагали вразвалку волы. Дорога вела в Луганск. Там дед его работал водовозом, продавая каждое ведро по копейке. (Стр. 14—15.)

Карьера

— Пусти в Луганск, батя, — сказал Саша отцу. — Хочу водовозом быть. Накоплю десять рублей.

— Двенадцать бы тебе рублей накопить, — сказал мечтательно Яков, давая сыну на дорогу краюху и адрес деда.

Дед определил его в колбасное заведение за три рубля в месяц на хозяйских харчах.

— Колбаса — не вода, ее небрежностью не испортишь, — сказал дед.

Саша Пархоменко ходил по улицам с корзинкой, выкрикивая:

— Колбасы, хорошие колбасы!

А когда его встречал дед, то покупал на пятак колбасы и, громко чавкая, говорил:

— Добросовестное колбасное заведение. Сала в меру.

Саша был худ, но силен и здоров.

Кухарки любовались его розовым и смелым лицом и говорили в один голос: «Быть тебе, Сашка, конокрадом».

— Не иначе, Сашка, как содержать тебе извоз!

У госпожи Ярославовой разглядели Санину сноровку и предложили ему поступить в дворники. Саше выдали тулуп, громадные сапоги, колотушку, двух собак и обещали на водку в двунадесятые праздники. Однажды весной он стоял у ворот. Мимо проходил инженер Леберен с Каменоватского рудника.

— Сколько тебе лет, дворник? — спросил инженер.

— Четырнадцать.

— По росту тебе двадцать. Значит, пора понять, что у дворника никакой перспективы нет. Ступай ко мне — еда отличная и десять рублей жалованья. Будешь называться Серж. (Стр. 15—18.)

Десять лет спустя

В кузне говорил Рубинштейн. Слабый свет горна позволил разглядеть его неимоверно широкие плечи на коротком туловище, короткие, но крепкие ноги, оливковое лицо, клочковатые пятна коротких бровей, покатый упрямый лоб.

Комиссар Рубинштейн сказал Пархоменко:

— Командир одной из рот подходит ко мне и говорит: «Предвидится вам в ближайшем будущем хорошая слава как бойцу и руководителю. Но данная ваша фамилия, Рубинштейн, трудно запоминается простыми людьми. А это может помешать распространению славы о революционных деталях нашего полка».

Комиссар подал мелко исписанную бумагу Ворошилову.

— Рабочий? — спросил Ворошилов, читая бумагу.

— Рабочий. Слесарь. По национальности — еврей.

— Нас национальность не касается, — сказал Пархоменко. — Нам важно классовое происхождение и храбрость.

— В данном случае национальность играет роль, — сказал Ворошилов. — Особенно еврейская. Вы проситесь в четырнадцатую? К Пархоменко? А известно вам, товарищ, что там много пришлых, из белых казаков? Казаки у Деникина и Краснова были затронуты антисемитской агитацией. К ним нужно подходить умеючи.

— Понимаю, — сказал молодой человек с оливковым лицом. — Вот я и желаю разъяснить и показать, что трудящиеся евреи так же смелы, как и трудящиеся русские.

Через несколько дней Рубинштейна назначили политработником в 3-ю бригаду. (Стр. 396—398.)

Двадцать лет спустя

В середине лета 1924 года робкий юноша в длинной истрепанной кожанке, должно быть с плеча старшего, вошел в большой дом на Воздвиженке, где тогда находился ЦК РКП(б). Это был Ваня, старший сын Александра Пархоменко.

В большой комнате несколько секретарей отмечали желающих видеть Сталина.

В дверях, обитых клеенкой, показался секретарь. Он подошел к юноше и сказал:

— Ваня Пархоменко, прошу вас к товарищу Сталину.

Сталин смотрел на Ваню, как бы отыскивая в нем черты его отца, а затем проговорил:

— Ваш отец был замечательный человек и революционер. Надо полагать, Родина запомнит его имя.

Он понимал, что если отцы погибают в борьбе, — остаются дети, и тогда отцом им делается народ. Народ же бессмертен, возьмет свое, победит. Не так ли, товарищ Пархоменко?! (Стр. 565—566.)

Печатается по изданию: Всеволод Иванов. Пархоменко. Роман. Избранные произведения в 2-х томах. Том 2.М.: Художественная литература, 1954.

«Беспамятный» Пархом

Главный редактор единый в трех лицах – Новорожденный, Роженица и Родовспоможитель

Маша Грауэрман

РОВНО ГОД НАЗАД

13 МАРТА 1996 ГОДА ВЫПАЛО НА среду. До дедлайна оставалось два дня, для мыслей о собственном дне рождения – ни минуты. Рождались «Итоги». Долг вкупе с чувством повелевал Новорожденному забыть о собственном появлении на свет. Вместо того чтобы принимать поздравления, надо было принимать роды у самого себя – явиться в образе Роженицы и Родовспоможителя. Вместо подведения итогов совершенного за тридцать два года собственной жизни следовало на пустом месте – еще даже не существовало кабинета Главного Редактора – выдумать «Итоги» для всех.

Демиургическим усилием в ближайшие 48 часов предстояло из стопки текстов, горы фотографий и совокупности человеческих воль слепить восемьдесят страниц, скрепленных тремя скрепками. Журнал.

Еще был в полном фаворе Дмитрий Соколов, и если пил, то за правильное здоровье, хотя здоровье уже и тогда пошатнулось.

Еще Шлагбаум не сложился в чеканные четыре раза по три и две, но растекся в аморфные семь без ритма и формы.

Вместо обильной читательской почты было задабривающе-запугивающее послание к будущей аудитории, мол, пишите нам, пожалуйста, непременно пишите, а кто вздумает слишком длинно или агрессивно, тот сам дурак.

Еще жили опасения, что российские политики не нанесут околесицы на целую страницу Междометий, и их загнали на один разворот с Разговорщиками Запросто, ограничив творческую свободу последних.

До президентских выборов оставалось еще целых три месяца. Еще никто не знал, что российский президент, совсем старый, больной, возродится, словно птица феникс, запоет и запляшет, обернется добрым молодцем и шарахнет жердью по корчаге, снова совсем заболеет и состарится – но тогда, в марте, забыв о личном празднике, Главный Редактор, набрав в грудь воздуху, решительно провозгласил: в России президентом будет Ельцин. Впрочем, на всякий случай распорядился к оптимистическому политическому прогнозу подверстать справку из энциклопедии об ишемической болезни. В те наивные времена обращение к медицинской энциклопедии казалось новым словом в политической журналистике. Оставалось полгода до того, как шунты, коронарография, ангиопластика и фракция выброса вошли в каждый дом, а с легкой руки Родителя «Итогов» всякий уважающий себя политический журналист завел собственную кардиологическую библиотеку.

Еще хватало аналитического задора на два «Итога» и два «Особых мнения», но решительно недоставало фантазии на подписи к иллюстрациям. Уже возникли первые сложности с получением фотографий из «Ньюсуика», и вместо отца «сингапурского чуда» Ли Куан Ю чуть было не проскочил неведомый России китаец, от которого не сохранилось даже имени.

И Наконец вместо дружеского застолья пришлось ограничиться беседой о вине и женщинах с судьей Тумановым, и никто еще не знал, что всякий разговор в этом жанре будет фатально сбиваться именно на эти две темы.

И даже когда работа, казалось, близилась к концу, все равно не удалось вспомнить о собственной годовщине. Пришло время написать самые первые слова самых первых «Итогов». Ньюсуиковский Паркер схалтурил и прислал всего две колонки, а наш Именинник, весело грозя пальцем, развернулся на целую полосу, торжественно объявил о создании Журнала Нашей Мечты, пообещав делать его долго и здорово, похвастался отличной командой и неплохой компанией и посулил долгий путь и жестокую борьбу.

Тринадцатого марта 1996 года не нашлось и минуты, чтобы отпраздновать день рождения. И лишь спустя более суток, когда, как ни невероятно, было завершено ВСЕ, явился ящик французского вина и началось чествование Новорожденного. Главному Редактору досталась слава Роженицы и Родовспоможителя, но Новорожденным в тот день был все-таки не он.

Было пятнадцатое марта. До первого номера оставалось два месяца.

До тридцатитрехлетия – год. Этот год прошел. Теперь – начнем с дня рождения Главного Редактора, а годовщина журнала будет потом.

С днем рождения, Сережа! ■

Верхи больше не могут. **А он может**

Сергей Пархоменко как стихийное бедствие для российской политики

Клеопатра Жеребенкова

КОРФУГЕН

ОНИ ОЧЕНЬ ОЗАБОЧЕНЫ. ОНИ НЕРВНИЧАЮТ. Они суетятся. Не то чтобы Они боятся ЕГО. Нет. Они больше опасаются неудачных выборов. Но вот, например, коммунистов Они страшатся меньше. Есть, конечно, Лебедь. Но ему, как любой птице, можно подрезать крылья, а ЕГО крыть нечем.

Можно начать прослушивать телефон – а ему плевать, он будет по десять раз на дню бегать в булочную. Можно кого-нибудь кинуть ЕМУ под колеса – а он перестанет водить машину. Можно, наконец, пустить всю налоговую полицию по ЕГО следу – и ничего не найти. Этот сумасшедший платил налоги даже тогда, когда выигрывал рубль в лотерею ДОСААФ.

По словам осведомленных источников в Кремле, в ближайшее время президентское окружение собирается опять начать думать. Теперь, когда выборы позади, болезни президента временно прекратились, реорганизация правительства началась, а зарплаты пообещали выплатить – можно заняться делом. Подумать о Пархоменко.

«Есть, конечно, тайная надежда, что он все-таки остепенится, все-таки статус, возраст, фатум, да и вообще пора...» – глубокомысленно признался один кремлевский мыслитель, просивший не называть своего имени из опасения мести со стороны вышеозначенного.

Из разговоров с различными высокопоставленными чиновниками, впрочем, стало очевидно, что ни у кого нет стройной концепции борьбы с ЭТИМ человеком. И причина тому одна – никто никак не может решить, чего все-таки от него больше: вреда или пользы, тем более если учесть его особые отношения с парламентскими оппонентами Кремля.

Черная неблагодарность

Он их «любит». Тому есть много причин.

Не будь парламента, не будь Верховного Совета, не будь Съездов – фиг два Пархоменко купил бы себе автомобиль и обставил бы квартиру. Не будь в стране этого чудного органа демократии – дети Пархоменко в тяжелые для России годы так бы и сидели без молока, которое он буквально вырывал у ослабевших депутатов.

Но вместо уважения и почтения журналист отвечал парламентскому корпусу презрением. Судьбоносные решения избранников народа под его пером преображались в гнусные слухи, желчные пасквили и возмутительные домыслы. И всякий раз он утверждал, что все это видел, слышал и щупал.

Как свидетельствуют источники, близкие к бывшим телохранителям охраны бывших спикеров, известный всей Москве журналист создал бандитскую группу. Спецслужбы утверждают, что до последнего времени, даже после того, как «вражеские танки подошли к нашему Белому дому», и даже после того, как была избрана Государственная дума, группа Б.Шермана, Я.Пархома, С.Махно и примкнувшего к ним С.Пархоменко «продолжала вести подкоп под устои российской демократии».

Все попытки урезонить главаря приводили к одному итогу: крик, скандал – и ничем не защищенный депутат скрывался в зале заседаний. А Пархоменко оставался разбираться с охраной.

Кстати, охрану он тоже не любит. Может быть, даже больше, чем депутатов. Он на них кричит. Он на них жалуется не тому начальнику, а не тот начальник, только что вышедший от депутатов (которые его в свою очередь только что обвинили в сотрудничестве с Моссадом), слова про «ваших невоспитанных подопечных» воспринимает как слова про депутатов и рекомендует обратиться к главному психиатру Москвы.

А еще Пархоменко открыто глумится и обманывает доверчивых телохранителей. До сих пор сотрудники ФСО и СБП с ужасом вспоминают историю, когда, явившись в Кремль и получив сопровождающего, Пархоменко заставил сотрудника стоптать ноги, специально обойдя всех знакомых и незнакомых, а потом еще и отправившись справлять нужду. Не надо объяснять, что, кроме физического издевательства, офицер вынужден был долгие часы терпеть и моральное глумление.

Стоит отметить, что кремлевские мыслители многократно пытались придумать способ не допустить Пархоменко в святая святых. Но в итоге он проникал все глубже и глубже. А потом страна узнавала, что Россией в самые тяжкие для нее часы рулили два отставных советника. История с Бурбулисом и Полтораниным, которые взяли на время октябрьских событий у президента и его тогдашней команды порулить штурвал, до сих пор вызывает изжогу у тех, кто по долгу службы должен был этот штурвал держать или хотя бы придерживать.

Кто же такое издевательство вытерпит, тем более когда мимоходом затаптывается в грязь президент.

Он с Ельциным писал

Лет семьдесят назад только одного этого биографического факта было бы достаточно, чтобы увековечить героя в бронзе и запечатлеть его профиль на алюминиевых ложках. Времена изменились. И потому многие бывшие и [illegible]

ведливо вопрошают: «Событие несомненно знаменательное, и многие шалости можно ему, конечно, простить. Но надо же и меру знать!» А вот с этим сложно.

Единожды познакомившись в туалете, пусть искоса, с «политической волей» тогда еще простого нардепа СССР, Пархоменко стал предъявлять политику гамбургские счета и счета за гамбургеры, а когда, уже став президентом, Ельцин не мог удовлетворить запросы назойливого журналиста, он с криком «Тормоза придумал трус!» бросался к клавиатуре компьютера и выдавал такое, что ни в сказке сказать, ни вслух произнести.

Вначале он просто обзывался: широко тиражировал термин «коллективный Ельцин». Ельцин молчал. Он смолчал и тогда, когда Пархоменко обозвал его господином Нету и позволил себе проанализировать причины и следствия регулярных президентских отлучек. Стерпел, надо отметить, не только сам президент, но и его команда.

Тут, почувствовав полную безнаказанность, журналист распоясался окончательно: он стал по косточкам разбирать все действия президента и все их внешние проявления. И, не успев остановиться, углубился непосредственно во внутренний мир президента, а изучив его, остался им недоволен и стал требовать операции. Любой. И Ельцин сломался. Он признался в сердечной слабости и объявил о том, что ложится под нож (и, в отличие от обещания лечь на рельсы, на этот раз президент свое слово сдержал). Но журналисту этого было мало. Он пошел дальше и теперь время от времени льет крокодиловы слезы (от итальянского «cocodrillo»; так называется подготовленный про запас, на случай смерти, политический некролог. – **Ред.**).

Испытывая перед назойливым писакой одновременно ужас, трепет и почтение (как-никак он видел у Ельцина «политическую волю»), кремлевские, правительственные и прочие чиновники никак не решаются на что-то серьезное в адрес распоясавшегося Пархоменко. Они надеются, что он изменится. Но пока что, завидев на Красной площади характерную бороду, они понимают, что через пять минут горбатый нос будет ползать по их столу, а в ответ на вежливую просьбу отойти и не мешать работать раздастся традиционно-хамоватое: «Ща-а ка-а-ак дам». И планы очередных гениальных операций будут изъяты, растиражированы и признаны детским лепетом.

И единственное, что может спасти аналитиков от позора, – вовремя подброшенная Пархоменко история о походе отечественных политиков на большой прием, а точнее, о предшествовавших этому походу визитах к портному.

Дин Гисинстайн
(Newsweek)

РОДОСЛОВНАЯ НАШЕГО ГЕРОЯ — область легенд и домыслов. А сам он эту тему поддерживать не склонен, предпочитая многозначительное молчание. А может быть, и сам не знает. Ходят какие-то смутные слухи про ссыльного польского повстанца и земскую учительницу. Фамилия во всяком случае досталась ему от настоятеля местной церкви отца Федора Пархоменко, заменившего мальчику отца. В далеком сибирском селе Сусалово старики до сих пор теплеют взглядом при упоминании о Сергее. Ни от одного из них не слышал я ничего худого. «Ну что говорить? Мальчонка был и умственный, и ласковый такой. Всем помогал. Помню, олененка раненого всю зиму выхаживал, а потом отпустил в тайгу. Да только зверь никуда не ушел — так при парне и жил».

Сергей своего родного села не забывает. Наезжает туда в каждый свой короткий отпуск. Но, не вынося никакой шумихи вокруг своего имени, приезжает инкогнито — то под видом инструктора райкома, то налогового инспектора, то представителя администрации президента. (Он, кстати, и ввел в наш бытовой обиход это несколько диковинное для наших широт словосочетание.) О годах своего детства Сергей распространяться не любит. «Да что там! Обычный идиотизм деревенской жизни», — отшучивается он. А вспомнить, судя по всему, есть что. И не только про раненого олененка. Совсем недавно ушел из жизни старый, всеми уважаемый сельский почтальон, чью жизнь много лет тому назад спас Сергей, вытащив старика из ледяной проруби.

Не с этого ли мальчишеского подвига зародилась в душе его мечта о море? Шесть лет Нахимовского училища не прошли даром. Путь от мичмана до капитана престижного крейсера был неправдоподобно коротким, не объяснимым ничем, кроме как особыми способностями Сергея, помноженными на редкостную целеустремленность.

Стремительная и впечатляющая карьера не сумела заслонить давней Сережиной страсти. Эта страсть — литература. Его школьные сочинения в стихах до сих пор хранятся в архиве старой деревянной школы. Это стихи, которые и сейчас бы украсили страницы литературных журналов. И сейчас особенно, когда профессионализм и личная ответственность писателя перед словом и перед своим читателем оставляет желать лучшего. Стихи, удивительным образом соединявшие детскую свежесть взгляда и недетскую мудрость, Сергей никогда не публиковал и публиковать, насколько нам известно, не собирается. А жаль. Тем не менее страсть эта не оставляла Сергея. Он писал и в училище, и на капитанском мостике. Стал сотрудничать в журналах и газетах под разными псевдонимами. Его умные, веселые и ершистые статьи стали замечать, цитировать, приводить в пример на различных редакционных летучках.

На похвалу коллег-журналистов Сергей внимания обращал мало. Но вот писем от читателей ждал с неизменным интересом. Именно в историях простых людей черпал он вдохновение. Едва успевал Сергей заглянуть в редакцию и получить очередную пачку писем, как не задумываясь восклицал: «Надо ехать!» И вновь надолго исчезал.

Судьба постучалась в дверь рукой почтальона. Пришло как-то письмо от девушки Кати из города Азова. Круглая сирота, она воспитывала семерых братьев мал мала меньше, но событиями в стране интересовалась живо. Запомнилось это письмо Сергею, и спустя три года, оказавшись в азовском порту, он и отыскал Катю. Шумную, надолго запомнившуюся свадьбу сыграли через неделю.

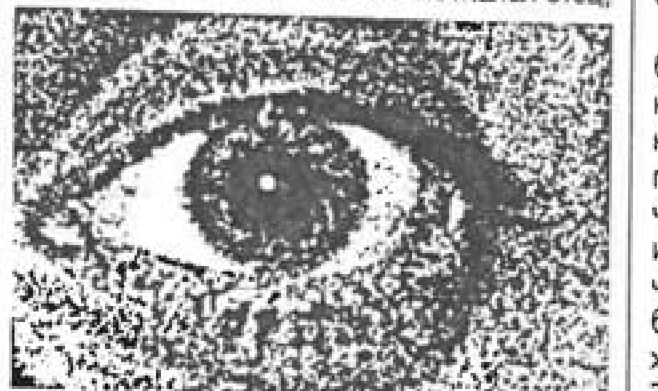
Но подкралась беда. Было ли это следствием злополучной проруби или невероятного напряжения душевных и умственных сил, но Сергей стал страдать морской болезнью. Море пришлось оставить. Остались перо и бумага.

Беда, как известно, не приходит одна. Сергею стала отказывать его прославленная память. Причем странным образом. Помня имена и фамилии, он стал забывать отчества. Однажды, описывая визит Генерального секретаря ЦК КПСС в Ярославскую область, он назвал его «Михаилом Горбачевым». В редакции не привыкли править его статьи, полностью доверяя высокому профессионализму автора, и статья так и пошла — без отчества. Легко представить себе то, что творилось в редакции на следующий день. Но к вечеру случилось неожиданное. В кабинет главного позвонил... — да, да, вы верно догадались — сам нежданно освобожденный от тяжкого тоталитарного рудимента генсек и поздравил редакцию со смелым демократическим почином. Некоторые не без оснований считают, что с этого дня и начала наращивать мощные обороты наша Перестройка. С этого дня перемены в стране стали необратимыми, а политические деятели стали чуть ли не стесняться собственных отчеств, что, понятно, не могло пройти мимо на-

ПРОФИЛЬ

ших доморощенных фрейдистов, даже и не подозревавших об истинных мотивах этого массового «движения».

Сергей всегда полностью отдавал себя делу, которому служил, и последствия его рвение имело иногда неожиданные. В 1987 году у Кати с Сергеем родился первенец. Всем был хорош мальчик Петя (назвали его так в честь приемного отца Сергея — отца Федора). Рос здоровым, смышленым, пошел в три месяца, заговорил в шесть. Но через некоторое время обнаружился у мальчика странный дефект, не сразу замеченный родителями. Дала, очевидно, себя знать наследственность. Петя родился без отчества. Ничего не жалел отец,

пытаясь отвести беду от любимого сына. Самые именитые врачи-гинекологи собирали консилиумы. Все, что они могли сказать: современная медицина в данном случае бессильна. Коли родился мальчик без отчества, так ему свой век и жить.

Спустя четыре года родился второй сын Лева, названный так в честь прославленного героя гражданской войны и популярного художественного кинофильма Александра Пархоменко. С отчеством на этот раз было все в порядке. Но несчастье другого рода настигло семью. Фамилия у малыша оказалась совершенно немыслимой для простой русской семьи: Рубинштейн.

Шли годы. Подрастали дети. Да и журналистская судьба Сергея не топталась на месте. Получив небольшое наследство от неизвестного канадского родственника, так и не раскрывшего ни своего имени, ни степени родства, Parkhom (а именно так прозвали его западные коллеги) решил создать свой собственный журнал. Сказано — сделано. И вот появилось на свет еще одно Сережино «детище» — еженедельный иллюстрированный журнал «Помехи», журнал остросатирический, резко и нелицеприятно обличающий все то, что мешает нашему движению вперед. Стала расти популярность журнала. Уже не редкость встретить в метро двух сидящих рядом людей, читающих журнал и иногда улыбающихся, а порой не сдерживающих радостного смеха.

Работает в журнале и сын Сергея — Лева Рубинштейн, несмотря на возраст (он еще школьник), сразу же снискавший любовь коллег за незлобивый характер, а читателей — за острое перо и беспощадную наблюдательность. «Ну что, готов заменить отца?» — спрашивают его иногда. «Да я что? Я-то готов, — смущенно отвечает юноша и тут же прибавляет, — да только батя небось еще лет двести проживет». Ну что ж — и мы ему пожелаем того же. ■ Внимание! Этот текст на самом деле является «рыбой»! Он предназначен исключительно для приблизительной верстки, в ожидании, пока в распоряжение отдела дизайна поступит истинный текст. Любые операции, кроме верстки полос, проводимые с этим текстом — бессмысленны. Нет никакой нужды править, вычитывать, сверять его и т.п. Всякая попытка предоставить на подпись полосу, в которую заверстан хотя бы маленький кусочек этого «рыбного» текста, карается немедленным отрыванием головы.(486 зн)

Внимание! Этот текст на самом деле является «рыбой»! Он предназначен исключительно для приблизительной верстки, в ожидании, пока в распоряжение отдела дизайна поступит истинный текст. Любые операции, кроме верстки полос, проводимые с этим текстом — бессмысленны. Нет никакой нужды править, вычитывать, сверять его и т.п. Всякая попытка предоставить на подпись полосу, в которую заверстан хотя бы маленький кусочек этого «рыбного» текста, карается немедленным отрыванием головы.(972 зн)

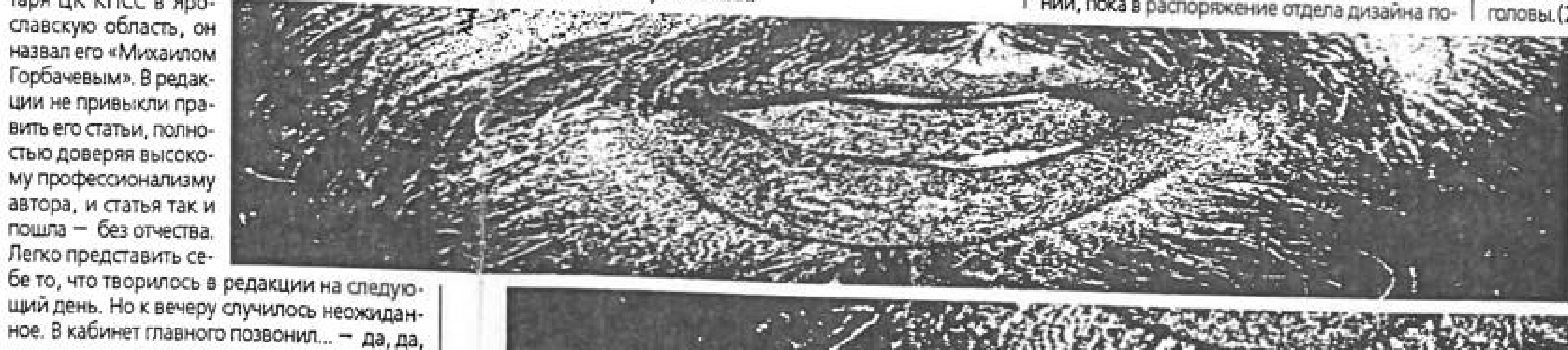
Этот текст на самом деле является «рыбой»! Он предназначен исключительно для приблизительной верстки, в ожидании, пока в распоряжение отдела дизайна поступит истинный текст. Любые операции, кроме верстки полос, проводимые с этим текстом — бессмысленны. Нет никакой нужды править, вычитывать, сверять его и т.п. Всякая попытка предоставить на подпись полосу, в которую заверстан хотя бы маленький кусочек этого «рыбного» текста, карается немедленным отрыванием головы.(1440 зн)

Внимание! Этот текст на самом деле является «рыбой»! Он предназначен исключительно для приблизительной верстки, в ожидании, пока в распоряжение отдела дизайна поступит истинный текст. Любые операции, кроме верстки полос, проводимые с этим текстом — бессмысленны. Нет никакой нужды править, вычитывать, сверять его и т.п. Всякая попытка предоставить на подпись полосу, в которую заверстан хотя бы маленький кусочек этого «рыбного» текста, карается немедленным отрыванием головы.(1928 зн)

Внимание! Этот текст на самом деле является «рыбой»! Он предназначен исключительно для приблизительной верстки, в ожидании, пока в распоряжение отдела дизайна поступит истинный текст. Любые операции, кроме верстки полос, проводимые с этим текстом — бессмысленны. Нет никакой нужды править, вычитывать, сверять его и т.п. Всякая попытка предоставить на подпись полосу, в которую заверстан хотя бы маленький кусочек этого «рыбного» текста, карается немедленным отрыванием головы.(2414 зн

)Внимание! Этот текст на самом деле является «рыбой»! Он предназначен исключительно для приблизительнойнимание! Этот текст на самом распоряжение отение отддела дизайна поступит истинный текст. Любые операции, кроме верстки полос, проводимые с этим текстом — бессмысленны. Нет никакой нужды править, вычитывать, сверять его и т.п. ■

Служебная записка по поводу первоначального накопления творческого капитала

Настало время подвести итоги:
Сотрудники не подвели «Итоги».
Уже и римляне в сандалиях и тоге
Не в «Деньги» всю несут рекламу,
а в «Итоги».
Хотелось бы поздравить и того, в
Ком ум, и честь, и совесть «Итогóв»

* * *

Чтобы не исписывать всю страницу словами «поздравляю» и «желаю» в разных числах и лицах, мы решили этим слишком и ограничиться. Зато предложить поздравляемому и желаемому три задачи — имеющие, если уж быть честными, к нему некоторое отношение.

ЗАГАДКА

Спой, Кармен, о грехе!

Вот, собственно, и вся загадка. В общем, довольно несложная. Буквы в этой красивой фразе надо переставить в другом порядке, и тогда все станет понятно. Ведь речь не о роковой цыганке, а... Впрочем, именно это вам и предстоит определить. ■

ШАРАДЫ

Летит насекомый
Средь ясного дня
И первое цедит —
Спасите меня!

В углу притулившись
Второе стоит.
«Пожалуйте плюнуть», —
Манит его вид.

Отрежь от второго
Последние два
И к третьему слева
Прибавь их сперва.

Получишь, что надо.
Хоть черен и дик,
Его за награду
Возьмет всяк мужик.

А целым в приемных
Забавят людей.
Пока ты скучаешь,

Все жить веселей.

***

Когда, бывало, вождь выпискивал в запале
Наш первый слог — протяжный звук один, —
Товарищи в смятении смолкали,
Вдруг осознав, кто раб, кто господин.

Синоним мира в песнях плебса вольных,
Второй наш слог — этрусков смуглых дар.
От белоснежных до золотоствольных,
С каймой иль без — но выбор тут судьбою дан.

А целое — объемлет мирозданье,
Мерцанье горних звезд, кипение огня,
Мышиную возню и власти содроганье,
И злата жалкий стон... Вы понимаете меня.

* * *

Вокруг Пархоменки *Заявление*

Фрагмент судьбы формата полосы и
Две полосы какой-нибудь Кореи —
Еще один сюжет «Вокруг России»,
«Вокруг России»?
Нет, вокруг Пархоменки скорее...

Вокруг Пархоменки... наверно, я бы мог
Решить в эпистолярном жанре эту тему,
Но, сев писать о нем хоть пару строк,
Нельзя, как в ересь Пастернак,
не впасть в поэму.

Однажды «Start your engines» он сказал,
НЕ остановимся же мы на полдороге...
Какой, однако, у него журнал!
Взращенный, как кристалл, журнал **«Итоги».**

Вот «заграница», здесь под возгласы
«скорей!»
В квадратной комнаты прокуренной утробе
Корпит артель искусных кустарей,
Припаивая Азию к Европе...

Готовые поставить здесь кровать,
Ни пить, ни есть — но, упаси бог, не лениться
Упорно «новым русским» объяснять,
Что заграница — это вам не только Ницца...

Как раньше предок, на день раза три,
Здесь обнажал Рубен клинок из ножен,
Крича, что мир зеркален изнутри,
Но, слава Богу, не пустопорожен...

А рядом — «Общество». Иной на срезе пласт.
Поймав читателя в тончайшие тенета,
Оно плывет, без маски и без ласт,
В безбрежном океане Интернета.

Отдел политики, который о-го-го,
И Рубинштейн, достигший апогея,
Все, все здесь вертится вокруг него...
Вокруг Сергея все, вокруг Сергея...

* * *

Март состоит из тающих «вокруг»
И денег, тающих быстрее снежной каши,
Вокруг министров, депутатов и ворюг,
Вокруг Гусинского, и Маши, снова Маши.

В известке номера Сергей белей, чем мел,
И свеж лицом, когда Давос вдыхает...
Навоз отечества давно окаменел,
И киллер с хилером в обнимку отдыхают.

Он знает: мир — большой цветной коллаж,
Растущий из Троянкеровской клетки,
И Маши Липман тонкий карандаш
Оставит на полях его пометки.

«Итоги с...»... Сергеем вместе, а не врозь,
Нас ждут до полночи сынишки и дочурки,
Которым вместо кукол довелось
В черновики завертывать окурки.

Мы, как и он, пришли сюда не вдруг,
Соединившись в многоцветной гамме,
Вокруг Пархоменки... кто спорит, что вокруг?
Но лучше все же не ходить кругами...

Тридцать три

